

Неправильно и невозможно

*Олег Майзенберг впервые за много лет
выступил в БЗК*

Выступление Олега Майзенберга в Большом зале консерватории с оркестром Владимира Федосеева было запланировано давно. Предполагался Тройной концерт Бетховена — с Майзенбергом, Третьяковым и Князевым. Но к зиме выяснилось, что этот план не осуществится. Его ждали

Олег Майзенберг

на рихтеровских «Декабрьских вечерах» — но он не приехал.

Олег Майзенберг попал в автокатастрофу, и сейчас его правая рука даже не может держать цветы; история страшная и грубая до неприличия, совершенно литературная. В отличие от музыкантов, машущих быстрыми пальцами как помелом, виртуозный стиль Майзенберга — это удивительно органичное чувство инструмента и звук, узнаваемый с одной ноты. Элегантный, эмоционально окрашенный, с европейским шармом и сдержанной чувственностью. И потерять этот звук — несчастье не только для пианиста, но и для публики. Нашей — в особенности. Музыканты поколения Майзенберга, воспитанные старой советской школой и вовремя ускользнувшие из-под ее давления, много лет здесь не играли. Мы имеем сегодня адептов нового аналитического стиля, но в традиционном исполнении главными героями теперь считаются спринтеры рояля или борцы за всяческое национальное достояние — наш контекст нагружен светскостью, но не артистизмом. И естественный артистизм звука, фразировки и формы без выраженной анали-

тической базы, с одной стороны, и постамента высокого искусства — с другой иногда кажется здесь чудом.

Майзенберг интеллектуален, но рациональные схемы никогда не держат верха над тонкой тканью эмоциональных рисунков. Он немного франт, немного визионер. И любит себе подобных Скрябина и Равеля. Единственная сольная пластинка, изданная в советские времена на «Мелодии», — «Отражения» Равеля. И вышло так, что именно с музыкой Равеля пианист вернулся на местную большую сцену. Чудовищный бред автокатастрофы оставил ему только небольшой репертуар для левой руки — в том числе знаменитый концерт Равеля и две изысканные прелюдии Скрябина. Одну из скрябинских прелюдий он сыграл на бис — после того как публика общедоступного абонемента оркестра Федосеева поняла, что в леворучном Концерте ей показали не виртуозный трюк, а нежность, красоту и страсть равелевского замысла.

Равель писал Концерт для пианиста, потерявшего руку во время войны. Он сделал потрясающее, очень светлое сочинение. Он что-то личное и важное сказал человеку, для которого делал эту работу. Это вдруг стало слышно. Красота стала пронзительной. Майзенбергу пришлось тащить за собой неповоротливую оркестровую массу, но и у нее вдруг появилось осмысленное звучание. Бис после светящегося финала Концерта — эпилог, комментарий к катастрофе, которая, впрочем, оказалась не в силах перевести человека из разряда великолепных музыкантов в разряд калек. Тихая горечь, нежная пластика и чуткий звук скрябинской прелюдии. Ощущение утраты. Ощущение какой-то чудовищной ошибки, неправильности.

Юлия БЕДЕРОВА